

Ода гимну

написано Movladi ABDOLAIEV | 26.01.2010

Новый год – самый любимый наш праздник. В разное время мы отмечали его по-разному.

Было время тотального дефицита, когда, для того, чтобы сервировать стол, надо было быть фокусником не меньшим, чем Коперфилд. Было время всеобщего изобилия. Все бы хорошо, но не было изобилия денег, чтобы это изобилие купить. Встречали мы Новый год под вспышки снаряд, а не петард. Было время, когда новогодний праздник запрещали. Всякое было. Но, тем не менее, из души людей этот праздник не смогли выбить ни отсутствие денег, ни ракеты, ни запреты, потому, что Новый год – это праздник надежды. Надежды на лучшую жизнь.

Но случались в Новый год и курьезные ситуации, которые хоть и вспоминаются весело какое-то время спустя, но лучше, конечно, в них не попадать. Память – субстанция избирательная, и почему она напомнила мне именно эту историю из прошлого, объяснить не могу.

...Было это больше двадцати лет назад, во время моей славной службы в не менее славных Вооруженных Силах СССР. Угрозило как-то командира дивизии заглянуть в нашу часть 30 декабря, т.е. за день до Нового года (это важно отметить, потому, что в нашей части активная фаза празднования уже началась). А дежурным по штабу полка был майор по фамилии Сквернюк. Этот майор и в будние дни бывал не всегда трезв, а тут... Извините! В общем, генералу наш майор не понравился. Он пообещал после праздников посадить майора на «губу» (почему после праздников? – а потому, что дежурить в новогоднюю ночь хуже гауптвахты). А пока... Генерал очень долго придумывал наказание. Богатой фантазии его хватило на самое оригинальное наказание: мы

должны были в новогоднюю ночь до боя курантов маршировать на плацу под гимн Советского Союза. Свежо – ничего не скажешь. «А-то, видишь ли, праздник они отмечают. Да так и боеспособность Вооруженных Сил страны можно подорвать. Что!!! У Вас и гимна СССР нет? Если через сутки не будет в части гимна СССР – всех пересажаю. Лично проверю». Такой вкратце была суть часового монолога комдива. То, что он и сам был в изрядном подпитии, генерал-майора не сильно смущало – видно себя он меньше всего отождествлял с Советской Армией.

«Где я ему гимн страны откопаю, – недоумевал Сквернюк, – и на чем мне его крутить – на пальце что-ли?». От нежданно свалившейся на него проблемы Сквернюк даже немного протрезвел (правда, в скором времени он восстановил статус кво). «Старшина, придумай что-нибудь, тем более у тебя высшее образование» – обратился ко мне майор. Однако, связь между высшим образованием и гимном страны объяснить не смог. Я знал, что в четырех автобусных остановках от части находится магазин «Мелодия», в котором наверняка будет не только гимн СССР, но и Папуа Новой Гвинеи и иже с ними (если вдруг они нам пригодятся). Достать гимн проблема небольшая, а вот на чем крутить – да. Но так далеко в армии никто не заглядывает. Заручившись прикрытием майора, я решил выдвинуться в город. И даже переодеваться в «гражданку» не стал, предположив, что патруль – это часть Советской Армии, а значит, трезвыми в такой день они быть не могут. Магазин, к счастью, еще работал и, как я и рассчитывал, пластинки с гимном страны Советов были в большом ассортименте. Продавщицы были немного удивлены (мягко говоря) моим выбором. Я это объяснил тем, что люблю свою Родину и, каждый год, с боем курантов слушаю гимн своей любимой страны. Одна немолодая продавщица от такого пафоса даже прослезилась. Молодые продавщицы, однако, смотрели на меня с явным презрением. Помню, как одна из них, хмыкая, долго искала тряпку, чтобы вытереть метровый слой пыли с пластинки.

Но настроение предновогоднее это не подпортило – по этому поводу, обратно до части я даже решил прогуляться. Но на мою

неудачу, в том же районе решил прогуляться и военный патруль. И насчет пьющего патруля мои выкладки были ошибочны – видно туда набирали «трезвенников и язвенников».

Я, конечно, мог бы от патруля убежать – бегал я тогда неплохо (неужели такое было) и город знал как теорему Пифагора, но бегать с гимном СССР мне показалось как-то кощунственно. Даже скажу так: почувствовал за собой державу! И вот я, гордый державник, зажав под мышку пластинку с гимном этой державы, в окружении патруля, иду в комендатуру. Привели меня к начальнику комендатуры. Он, увидев у меня гимн Советского Союза, сразу напрягся – либо я шпион, либо работаю на секретную часть и проверяю моральные устои в Вооруженных Силах СССР. А что еще он мог подумать – ведь за его долгую службу в преддверии Нового года ему попадались лишь пьяные, либо трезвые, но с бутылкой водки (что по сути одно и то же). А от гимна СССР ну никак не опьянеешь, разве, что слушать его под водку, но это уже извращение. Позвонил этот начальник комендатуры к нам в часть. А за отчетные два часа Сквернюк успел восстановить свое состояние нирваны, так неудачно подпорченное генералом. Естественно, нахождение в этом состоянии не предполагает разговора по телефону, а других офицеров в части не было. И куда меня девать? Естественно, в камеру. Но на всякий случай начальник комендатуры держался со мной подчеркнуто вежливо. В новогоднюю ночь, с боем курантом, он вышел на улицу и три раза выстрелил в воздух. Для тех лет это был поступок, за который могли лишиться не только звания и должности. Но комендатура находилась на окраине города, и посему новогоднее хулиганство подполковника последствий не имело. Через пару дней все же мост между комендатурой и нашей частью был налажен, и меня торжественно передали замполиту части, который в свою очередь торжественно пообещал устроить мне «сладкую жизнь». Интонация, с которой это было сказано, не предполагала, что замполит угостит меня в ближайшей «кафешке» пирожным.

Сквернюк повел себя так, как подобает настоящему джентльмену,

напрочь отрицая свою причастность к моему самовольному выходу в город. «Ну, подумайте, – оправдывался он перед командиром полка, – зачем мне гимн СССР». «Да, действительно, – почесался комполка, – может кому-то он и нужен, но только не тебе». Алиби Сквернюка была его репутация, а она никак не говорила о нем, как об общественнике и патриоте. А в то же время, когда я попытался объяснить, что и мне этот гимн сто лет не упал, тем более в новогоднюю ночь и, что сам я, без приказа, не пошел бы, комполка в это не поверил. «Кто знает, что у вас нерусских на уме. Может у вас такая национальная традиция в новогоднюю ночь слушать гимн Советского Союза». Я попытался объяснить, что у чеченцев есть разные обычаи, и хорошие и не очень, но вот, чтобы под Новый год слушали гимн страны – такого обычая нет. Конечно, наш народ много потерял в связи с этим, но такова наша судьба. Но мне не очень поверили, а то, я думаю, на трое суток на гауптвахту не определили бы. Завершая этот эпизод, скажу, что, уходя на «дембель», я прихватил ту пластинку себе на память, и она благополучно пролежала у меня дома до второй военной кампании, пока какой-то радетель новой России не сломал ее, написав при этом на конверте корявым почерком: «Даздрастует Россия» (именно так – слитно и с ошибкой).

Муслим Гапуев